
Дочь Домовитого Духа

Лия Коннер
Дочь Домовитого Духа

«Автор»

2026

Коннер Л.

Дочь Домовитого Духа / Л. Коннер — «Автор», 2026

"Дочь Домовитого Духа" - это книга о девочке Мире, которая живёт в глухой деревне, где лес хранит древние тайны, а люди боятся её дара: прикосновение Миры открывает чужие воспоминания и обнажает тёмные секреты. Когда начинают пропадать дети, а природа восстаёт против людей, девочке приходится впустить в себя духа Коясса — только так она обретёт силу, чтобы сразиться с древним злом, Маноком. В борьбе за спасение близких Мира учится контролировать свой дар, восстанавливает договор между людьми и лесом и находит баланс между магией и человечностью. Ей предстоит раскрыть убийство, разоблачить знахарку, помочь жителям — и решить, как использовать силу, не потеряв себя. Это история о взрослении, ответственности и выборе: как сохранить доброту и честность там, где страх и ненависть готовы взять верх. Мира понимает — мир не меняется мгновенно, но его можно сделать чуточку честнее. Одним прикосновением.

© Коннер Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предыстория	5
Глава 1. «Отвар от глупости»	6
Глава 2. «Молот и нож для кожи»	9
Глава 3. «Дар без перчаток»	12
Глава 4. «Староста кислого вида»	15
Глава 5. «Агафьины корни»	17
Глава 6. «Первый след»	19
Глава 7. «Слепой пёс»	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Лия Коннер

Дочь Домовитого Духа

Предыстория

Пролог: «Белая девочка»

В глухой деревне на краю древнего леса, где вековые ели шепчутся с ветром, а реки несут в себе память о старых богах, родилась Мирослава. Это случилось в самую длинную ночь года, когда луна пряталась за тучами, а в избах жгли полынь от нечисти.

Её мать, Тариана, танцовщица с гибким станом и глазами цвета спелой рябины, кричала так, что, казалось, сам лес притих. Отец, Эйран, кузнец с руками, покрытыми шрамами от раскалённого железа, стоял за дверью и молился всем богам, каких знал. Когда ребёнок наконец появился на свет, повитуха отшатнулась.

Девочка была крошечной, хрупкой, как первый снег. Волосы — почти белые, словно кто-то вылил на неё свет луны. Кожа бледная, почти прозрачная. А глаза... Когда она открыла их в первый раз, все увидели глубокий фиолетово-сиреневый цвет, будто в радужке поселились сумерки леса. Повитуха перекрестилась и прошептала: «Не от мира сего. Подношение духу».

Эйран хотел было отказаться. В деревне и без того шептались о проклятиях. Но Тариана, измученная, но твёрдая, прижала дочь к груди и сказала:

— Она не проклятие. Она — горькая мудрость. Мы возьмём её.

Так Мирослава осталась в семье. С первых дней она была тихой. Не плакала по ночам, как другие дети. Зато когда кто-то из взрослых подходил слишком близко без перчаток на её маленьких ручках, она вдруг начинала говорить странные вещи: «Ты боишься, что жена узнает про серебро» или «У тебя в сундуке лежит мёртвая птица, которую ты убил не по нужде».

Дар истины проснулся рано.

К пяти годам деревня уже боялась её. Дети дразнили «ведьмой» и «белой нечистью». Взрослые отводили взгляд. Только семья защищала. Особенно старший брат Ефимий, который уже тогда брал её на опушку и учил держать лук. И младший Микель, который позже стал видеть в Кояссе просто «друга для игр».

А Коясс... Он пришёл в её голову в ночь, когда Мире исполнилось семь. Скрежешущий голос, как старая кора под ветром: «Ну здравствуй, мелочь. Ты меня звала, сама того не зная. Теперь мы вместе».

Так началась её история.

Глава 1. «Отвар от глупости»

Задний двор дома Эйрана был настоящим царством запахов и тайн. Здесь, за высоким плетнём из ивовых прутьев, где лес уже начинал осторожно просовывать свои зелёные пальцы через щели, Мирослава проводила большую часть свободного времени. Двенадцатилетняя девочка с волосами цвета первого снега сидела на корточках у небольшого очага, сложенного из закопчённых камней. Над огнём висел старый чугунный котелок, в котором медленно булькало тёмно-зелёное варево с фиолетовыми прожилками. Пар поднимался густыми клубами, неся в себе резкий, горьковато-сладкий аромат — смесь мяты, коры крушины, сушёных ягод можжевельника и чего-то ещё, что Мирослава называла «секретом леса».

Её руки, тонкие и бледные, двигались уверенно. На запястьях сегодня были только тонкие кожаные нарукавники — перчатки она сняла, потому что с ними было неудобно работать с травами. Белоснежные волосы, заплетённые в небрежную косу, выбивались прядями и падали на лицо, но она не обращала внимания. Фиолетово-сиреневые глаза, яркие на фоне почти прозрачной кожи, смотрели в котелок сосредоточенно, будто видели там не просто отвар, а что-то гораздо более глубокое.

— Добавь ещё горсть коры, мелочь, — раздался в её голове скрипучий голос, похожий на шорох старой еловой коры под сильным ветром. — И не жалея. Пусть эти деревенские олухи почувствуют, каково это — глотать правду.

Мирослава едва заметно усмехнулась уголком рта. Её лицо, хрупкое и красивое какой-то неземной, отстранённой красотой, на миг оживилось.

— Если я добавлю ещё, Коясс, они точно решат, что я их травлю, — ответила она тихо, почти шёпотом. Говорить вслух с духом было привычкой, хотя никто, кроме неё, его не слышал. — А потом прибегут с вилами.

— Пусть бегут, — хмыкнул дух. — Ты же сама говоришь, что от глупости надо лечить радикально. А этот отвар как раз и есть лекарство. Горькое, как их собственные секреты.

Девочка бросила в кипящую жидкость щепотку сушёной коры крушины. Запах мгновенно стал острее, едким, с металлическим оттенком. Она размешивала деревянной ложкой медленно, по часовой стрелке, как учила мать. Тариана всегда говорила: «Травы любят уважение. И направление тоже имеет значение».

Мирослава выглядела «не от мира сего». Хрупкая фигурка в простом сером платье, бледная кожа, которая почти светилась в лучах заходящего солнца, и эти глаза — пронизывающие, усталые, слишком мудрые для двенадцати лет. Дети в деревне боялись её взгляда. Взрослые — тоже. «Ведьма», «белая нечисть», «подкидыш духа» — шептали за спиной. Она слышала всё. Дар не позволял не слышать.

Коясс, древний дух-проказник, поселившийся в её голове семь лет назад, был единственным, кто не боялся её. Наоборот — он любил её по-своему, грубо, цинично, но искренне.

— Ты сегодня в хорошем настроении? — спросила Мира, добавляя щепотку сушёных ягод.

— Я всегда в хорошем, когда ты варишь гадость для людей, — ответил дух. — Правда — это лучшее оружие. Ты просила правды — я дал. Не ной потом.

Девочка фыркнула. Она действительно иногда просила у Коясса помощи — когда усталость от чужих тайн становилась невыносимой. Но чаще всего она справлялась сама. Перчатки были её щитом. Без них каждый случайный контакт мог открыть целый мир чужой боли, страха, вины и грязи.

Вдруг за плетнём послышался шорох. Мирослава не повернула голову сразу — она уже знала, кто идёт. Дар иногда подсказывал даже без прикосновения, если эмоции были сильными.

Через низкий плетень перелезли трое мальчишек. Возглавлял их Витька — рыжий, конопатый сын мельника, четырнадцати лет, с вечно дерзкой ухмылкой. За ним — двое его приятелей, помладше, с палками в руках.

— Гляньте-ка! — громко заржал Витька. — Белая ведьма опять варит яд! Эй, Миранура, сегодня кого будешь проклинать? Соседскую корову? Или нас?

Мирослава медленно выпрямилась. Её хрупкая фигурка казалась ещё более уязвимой рядом с крепкими деревенскими мальчишками, но взгляд был цепким, как у дикой кошки. Фиолетовые глаза смотрели прямо, без страха.

— Уходите, — сказала она спокойно, почти равнодушно. — Я занята.

— Ой, занята она! — Витька подошёл ближе, пиная ногой сушёные пучки трав. — А ну покажи, что там варится! Может, это зелье, чтобы всех в лягушек превратить?

Он резко схватил её за запястье, пытаясь вырвать ложку. Кожа к коже. Перчаток не было. Мир для Мирославы взорвался.

В один миг она увидела всё.

Ночь. Витька крадётся к курятнику бабки Марфы. Руки дрожат от страха и возбуждения. Он засовывает руку в гнездо, вытаскивает тёплые яйца, прячет за пазуху. Смех в темноте. Потом — дома, ложь отцу: «Я не брал!». Страх, что поймают. Злость на сестру, которая однажды проболталась. Подложенная дохлая крыса в её постель как месть. Слезы, которые он прячет, потому что «мужики не плачут». И глубже — стыд, одиночество, страх, что отец узнает про все его мелкие кражи и побои.

Мирослава выдернула руку так резко, будто обожглась. Её глаза потемнели, зрачки расширились. Лицо стало ещё бледнее.

— Ты украл яйца у бабки Марфы позавчера, — произнесла она ровным, холодным голосом. — И вчера тоже. А сестре своей крысу подложил, потому что она рассказала отцу про твои прогулы у реки.

Витька замер. Краска схлынула с его лица. Приятели отшатнулись.

— Врёшь! — выкрикнул он, но голос предательски дрогнул. — Ты ничего не знаешь, ведьма!

— Я знаю, — тихо ответила Мира. — Я вижу. Хочешь, расскажу, как ты плачешь по ночам, потому что боишься, что отец тебя прогонит? Или как ты украл серебряную ложку у вдовы и продал её...

Витька отступил на шаг, потом ещё один. Глаза наполнились слезами ярости и ужаса.

— Заткнись! — заорал он. — Ты... ты проклятая! Дух в тебе сидит!

Он развернулся и бросился бежать, чуть не упав через плетень. Двое других — следом. Из-за забора ещё долго доносились всхлипы и ругань.

Мирослава осталась стоять. Руки слегка дрожали. Она медленно надела перчатки, которые лежали на пеньке рядом. Кожа казалась холодной.

В голове раздался довольный, скрежещущий смех Коясса.

— Вот это я понимаю — урок. Ты просила правды — я дал. Не ной, мелочь. Они сами пришли. Всегда приходят.

— Я не ною, — прошептала Мира, глядя на кипящий котелок. — Просто... иногда хочется, чтобы они не приходили.

Она села обратно на корточки. Отвар продолжал булькать. Запах теперь казался ей особенно горьким. Девочка добавила ещё щепотку трав, размешала. Ветер принёс из леса далёкий вой — или просто показалось.

Этот двор был её убежищем. Здесь она варила отвары от головной боли для матери, притирания для ожогов отца, успокаивающие сборы для Микеля. Здесь она могла быть собой — саркастичной, умной, уставшей от чужой глупости. Но каждый раз, когда кто-то касался её без

защиты, мир напоминал: её дар — не подарок. Это проклятие, которое делает её одинокой даже среди семьи.

Мирослава закрыла глаза и глубоко вдохнула едкий пар.

— Коясс, — тихо позвала она.

— Что, мелочь?

— А если я когда-нибудь захочу не видеть? Совсем.

Дух помолчал. Потом ответил серьёзнее обычного:

— Тогда ты перестанешь быть собой. А я не для того пришёл к тебе, чтобы ты пряталась.

Правда — это твоя сила. Привыкай.

Девочка кивнула. Она знала, что он прав. Но это не делало боль легче.

Солнце уже почти село. Двор погружался в сумерки. В доме зажгли лампу — мягкий жёлтый свет пробивался через маленькое окошко. Скоро ужин. Семья будет ждать. Отец с молотом у двери, мать с травяным чаем, Ефимий с луком, Микель с улыбкой.

А она — с перчатками и правдой, которую никто не хочет слышать.

Мирослава сняла котелок с огня. Отвар был готов. Завтра она отнесёт его вдове, которая жаловалась на бессонницу. И, возможно, та тоже случайно коснётся её руки. И тоже убежит в слезах.

Такова цена «отвара от глупости».

Глава 2. «Молот и нож для кожи»

Вечер опустился на деревню тяжёлым, смолистым покрывалом. Изба Эйрана стояла на самом краю, где ухоженные огороды переходили в густой подлесок древнего леса. Стены из толстых, потемневших от времени брёвен хранили тепло дня и запахи: железной окалины от кузницы, сушёных трав, свежего хлеба и лёгкой древесной дымки. В большом очаге потрескивали берёзовые поленья, отбрасывая танцующие рыжие блики на низкий потолок с закопчёнными балками. Масляная лампа над массивным дубовым столом горела ровно, но её свет казался слишком хрупким, чтобы разогнать все тени, которые собирались в углах.

Мирослава сидела на своём обычном месте — у стены, чуть в стороне от остальных. На тонких бледных руках были надеты мягкие кожаные перчатки тёмного цвета, сшитые матерью из старого охотничьего снаряжения. Белоснежные, почти серебристые волосы были заплетены в простую косу, но несколько прядей выбились и падали на лицо, подчёркивая неземную бледность кожи. Фиолетово-сиреневые глаза смотрели в деревянную столешницу устало, но цепко. В двенадцать лет она уже выглядела так, будто несла на плечах тяжесть целого леса.

Тариана двигалась по кухне с грацией, которая не исчезла даже после трёх родов. Танцовщица в прошлом, она сохранила лёгкость в каждом движении. Тёмные волосы собраны в тяжёлый узел на затылке, глаза цвета спелой рябины теплели, когда она смотрела на детей. Сейчас она снимала с огня чугунок и заваривала чай с корой ивы — густой, горький напиток, который снимал боль, успокаивал нервы и помогал забыть о тревогах, что приходили из леса.

— Сегодня особенно холодный вечер, — тихо сказала Тариана, ставя перед Мирой кружку. Пар поднимался ароматный, с лёгкой терпкостью. — Выпей, доченька. Кора ивы и немного мяты. Чтобы внутри было теплее.

Мирослава кивнула, обхватив кружку перчатками. Тепло проникало даже сквозь кожу.

«Горький чай от горьких мыслей, — раздался в голове скрипучий голос Коясса. — Люди всегда пытаются залить правду отварами. Смешно».

Девочка едва заметно улыбнулась уголком рта. Она уже привыкла к постоянному присутствию духа. Он был как старое дерево в голове — иногда раздражающее, иногда надёжное.

Эйран вошёл последним, тяжело ступая. Кузнец был высоким, широкоплечим мужчиной с руками, покрытыми старыми ожогами и мозолями. Борода слегка тронута сединой, глаза — усталые, но твёрдые. У двери он поставил свой тяжёлый молот — верный спутник, который мог как ковать подковы, так и разбивать черепа, если придёт беда. Сегодня в его движениях чувствовалась тяжесть.

— Пропала овца, — сказал он без лишних слов, садясь во главе стола. Голос был низким, как гул наковальни. — У Григория с края деревни. Следов волка или медведя нет. Будто земля проглотила. Или кто-то из леса взял.

Тариана замерла на миг, потом продолжила нарезать хлеб. Ефимий, девятнадцатилетний старший брат, охотник с острым взглядом и крепким телом, оторвался от точения ножа. Лезвие блеснуло в свете лампы, как холодный осколок луны.

— Третья за этот месяц, — заметил он, хмурясь. — Раньше такого не было. Может, браконьеры из соседней деревни?

Микель, младший брат шести лет, болтал ногами под столом, с аппетитом уплетая кашу. Его круглое личико светилось беззаботностью. Вдруг он громко хихикнул, едва не поперхнувшись.

— Коясс сказал, что овцу утащил тот, у кого три зуба! — выпалил он весело, размахивая ложкой. — И ещё сказал, что этот дядька воняет кислым молоком!

За столом повисла короткая тишина. Потом Тариана мягко рассмеялась, Эйран хмыкнул в бороду, а Ефимий потрепал Микеля по вихрастой голове.

— Опять твой воображаемый друг истории рассказывает? — улыбнулся Ефимий. — Смотри, как бы Коясс не потребовал с тебя угощение за такие вести.

Мирослава встретила взглядом с старшим братом. Только они в семье полностью понимали, что Коясс — не выдумка Микеля. Ефимий знал правду с того дня, когда Мира впервые рассказала ему о голосе в голове. Он никогда не смеялся над этим. Только защищал.

В голове Миры заскрипел довольный смех Коясса:

«Мелкий — единственный честный в этой избе. Три зуба! Ха! Я мог бы сказать больше, но ребёнок ещё не готов к настоящей правде».

Девочка опустила глаза в кружку с чаем. Горький вкус ивы разливался по языку, напоминая о том, как часто правда бывает неприятной. Она вспомнила, как в пять лет впервые проявила дар по-настоящему — вытащила занозу из лапы отцовской охотничьей собаки одним прикосновением. Тогда Эйран впервые не отшатнулся, а принял её. Этот момент до сих пор согревал внутри, как лампа в темноте.

Ужин продолжался. Тариана рассказывала о новых травах, которые нашла на опушке. Эйран делился новостями из кузницы — кто заказал новый топор, кто жаловался на плуг. Ефимий молча ел, но его взгляд иногда скользил к сестре — защитный, заботливый. Микель болтал без умолку, придумывая приключения для «Коясса и Миры».

— А Коясс говорит, что в лесу кто-то большой и голодный, — вдруг серьёзно заявил Микель, глядя на сестру большими глазами. — Но он не злой, если ему дать мёд и мясо.

Мирослава почувствовала, как Коясс в голове насторожился.

«Малец чует больше, чем взрослые, — проворчал дух. — Голод в лесу действительно просыпается. Но пока рано говорить».

Девочка молча пила чай. Перчатки не снимала даже за едой — слишком велик был риск случайно коснуться кого-то и увидеть тайны, которые лучше оставить в темноте. Она видела, как отец беспокоится о пропавшей овце, как мать скрывает тревогу за улыбкой, как Ефимий уже думает о ночном обходе. А Микель у него не было тайн. Только чистая радость и вера в «друга Коясса».

После ужина Эйран откинулся на лавке, раскуривая трубку. Дымок поднимался к потолку.

— Завтра соберём сход, — сказал он. — Степан наверняка будет кипятиться. Опять начнёт про «проклятие на деревне».

Мирослава напряглась. Имя старосты всегда вызывало в ней отвращение. Год назад она случайно коснулась его руки и увидела старую кровь на ладонях. Убитый странник. Серебро. Страх разоблачения.

Коясс в голове тихо заскрежетал:

«Этот кислый боится тебя больше, чем любого лесного духа. Если что — я готов войти. Только скажи».

— Я не буду на сходе, — тихо ответила Мира. — Они опять будут смотреть как на ведьму.

Тариана подошла сзади и мягко положила руку на плечо дочери — поверх перчатки.

— Мы с тобой, доченька. Семья — это не кровь. Это выбор. Мы выбрали тебя с первого дня.

Эйран кивнул, Ефимий сжал кулак под столом. Микель забрался на лавку и обнял сестру, не боясь ничего. Его маленькие ручки были тёплыми и честными.

Мирослава позволила себе на миг расслабиться. В этот момент, за столом, с молотом отца у двери и ножом брата на поясе, мир снаружи казался чуть дальше. Но она знала — буря приближается. Пропавшие овцы были только началом. Где-то в лесу шевелилось что-то древнее, с тремя зубами и голодом в пустых глазах.

Коясс молчал, но его присутствие ощущалось сильнее обычного. Как будто дух тоже готовился.

Ночь за окном сгущалась. Ветер шумел в кронах елей, принося из чащи далёкие, неразборчивые шорохи. Мирослава допила чай и встала, чтобы помочь матери убрать со стола. Её хрупкая фигура двигалась бесшумно, словно тень.

В такие вечера она особенно остро чувствовала цену своего дара. Правда защищала семью, но и отделяла её от мира. Однако здесь, за этим столом, она была просто Мирой — дочерью, сестрой, той, кого любят несмотря ни на что.

Глава 3. «Дар без перчаток»

Лес за деревней всегда казался Мирославе живым. Даже в пять лет она чувствовала, как деревья дышат, как земля под босыми ногами шепчет старые истории, а ветер несёт запахи, которые взрослые просто называли «пахнет лесом». В тот день осень уже кралась по краю поляны, окрашивая листья в медь и золото, но солнце ещё грело по-летнему тепло.

Пятилетняя Мирослава стояла у порога кузницы отца. Её белоснежные волосы, почти светящиеся на фоне тёмных брёвен, были растрёпаны — она только что бегала по двору, собирая последние осенние ягоды. Простое платьице, сшитое матерью, было испачкано землёй на коленях. Хрупкая, как стебелёк подснежника, с бледной кожей и огромными фиолетово-сиреневыми глазами, она выглядела так, будто лес сам подарил её этой семье в одну из самых тёмных ночей.

Эйран работал у наковальни. Удары молота звучали ритмично, сильно. Кузнец был тогда моложе — борода без седины, плечи ещё шире от постоянной работы. Рядом лежала его любимая охотничья собака — старый верный Барс, огромный пёс с серой шерстью и умными жёлтыми глазами. Барс скулил тихо, не вставая. В передней лапе глубоко засела длинная заноза — острый обломок ветки от вчерашней погони за кабаном. Пёс не позволял никому прикоснуться: рычал, шерил клыки, даже на Тариану.

— Не подходи, дочка, — сказал Эйран, вытирая пот со лба. Голос был усталым. — Барс сегодня не в духе. Может, позовём Агафью, пусть даст какую-нибудь мазь.

Мирослава не послушалась. Она никогда не слушалась, когда видела боль. Босые ножки прошлёпали по утопанной земле кузницы. Барс повернул голову и зарычал низко, предупреждая, но девочка не остановилась. Её глаза были серьёзными, слишком серьёзными для ребёнка.

— Ему больно, папа, — произнесла она своим высоким, но уже тогда странно спокойным голосом. — Очень больно. Он боится, что лапа сгниёт и ты его прогонишь.

Эйран замер с молотом в руке. Он уже знал, что дочь говорит странные вещи. С самого рождения. Слухи в деревне росли, как сорняки. «Подношение духу», «белая нечисть». Он сам первое время боялся брать её на руки. Но Тариана настояла. «Она — наша горькая мудрость», — повторяла жена.

— Мира, отойди, — мягко, но твёрдо сказал отец. — Не надо.

Но девочка уже опустилась на колени рядом с огромным псом. Барс оскалился, но не укусил. Что-то в её взгляде остановило его. Мирослава протянула маленькую ладошку — без перчаток, которые мать уже начала шить, но пока не заставляла носить постоянно.

Кожа коснулась тёплой, взъерошенной шерсти пса.

И мир взорвался.

Для пятилетней Миры это было как падение в глубокий колодец. Она увидела всё сразу.

Барс — щенком, когда Эйран нашёл его в лесу, раненого волком. Первые охоты. Радость бега. Страх, когда кабан поддел клыком. Вчерашняя погоня. Заноза, вонзившаяся глубоко, воспаление, пульсирующая боль. И глубже — любовь пса к хозяину, страх потерять его доверие, воспоминания о тёплых зимних ночах у очага, когда Барс спал у ног Эйрана.

Мирослава зажмурилась, но не отдернула руку. Слезы потекли по бледным щекам — не от страха, а от чужой боли, которая теперь была и её.

— Заноза... там глубоко, — прошептала она. — Под когтем. Она гниёт.

Маленькие пальчики осторожно, но уверенно нащупали место. Пёс взвизгнул, но не дернулся. Девочка вытащила длинный, окровавленный обломок ветки одним движением. Кровь потекла, но Мира не испугалась. Она прижала ладошку к ране.

В этот момент дар раскрылся полностью. Тепло, странное, нечеловеческое, потекло из её руки в лапу пса. Воспаление начало спадать прямо на глазах. Барс перестал скулить. Он лизнул ладонь девочки — один раз, благодарно.

Эйран стоял как вкопанный. Молот выпал из руки и глухо ударился о землю. Кузнец смотрел на дочь — крошечную, хрупкую, с белыми волосами, перепачканными в пыли, и на своего пса, который вдруг успокоился и даже попытался встать.

— Как... — хрипло выдохнул он. — Мира, что ты сделала?

Девочка подняла на него фиолетово-сиреневые глаза. Взгляд был усталым, будто она только что прожила целую жизнь Барса.

— Я увидела, папа. Всё. Как ты нашёл его. Как он тебя любит. Как боится, что ты его бросишь, если он не сможет охотиться. Заноза больше не болит. Ему нужна чистую тряпку и твою мазь из кузницы.

Эйран медленно опустился на колено рядом с ней. Его большая, грубая рука дрожала, когда он протянул её к дочери. Но не для того, чтобы оттолкнуть. Он коснулся её плеча — осторожно, поверх платья.

— Ты... не боишься его?

Мирослава покачала головой.

— Нет. Он хороший. Как ты.

В этот момент что-то сломалось в кузнеце. Страх, который он носил с рождения дочери, — страх проклятия, страх деревенских шёпотов, страх, что она действительно «не от мира сего», — отступил. Он увидел не духа, не ведьму. Он увидел ребёнка. Свою дочь. Который только что исцелил его любимого пса одним прикосновением.

Эйран прижал Миру к груди. Сильно, но бережно. Её белая голова утонула в его бороде.

— Прости меня, маленькая, — прошептал он. — Я боялся. Глупо боялся. Ты — наша. Навсегда.

Мирослава замерла. Впервые она почувствовала, что прикосновение может нести не только чужие тайны, но и тепло. Она обняла отца в ответ тонкими ручками.

С того дня Эйран больше никогда не отшатывался. Он стал её щитом. Когда деревенские дети дразнили, он выходил с молотом. Когда Агафья шептала про «порчу», он молча смотрел на неё так, что знахарка отводила глаза. А Барс с тех пор всегда встречал Миру радостным вилянием хвоста, даже когда она выросла.

Настоящее время. Воспоминание угасает.

Мирослава сидела на краю своей кровати в тёмной комнате. Ночь после ужина. Перчатки лежали рядом. Она часто возвращалась к этому воспоминанию, когда становилось особенно тяжело. Пять лет — тот день, когда отец окончательно принял её.

Коясс в голове молчал долго. Потом тихо заскрипел:

«Хороший был пёс. Жаль, что старые уходят. Но ты тогда впервые показала, на что способна, мелочь. Без меня. Я тогда ещё только наблюдал».

Девочка улыбнулась в темноте. Её фиолетовые глаза блестели.

— Ты тогда уже был рядом?

— Был. Слышал, как ты звала, сама того не понимая. Правда всегда ищет того, кто готов её нести.

Мирослава провела пальцами по ладони — той самой, которая когда-то исцелила Барса. Теперь она знала цену этой ладони. Каждый раз, когда снимала перчатки, она платила кусочком себя.

В коридоре слышались тихие шаги. Дверь приоткрылась. Микель, в длинной рубашке, с растрёпанными волосами, проскользнул внутрь.

— Мира, ты не спишь? — шёпотом спросил он. — Коясс сказал, что ты вспоминаешь Барса. Можно я лягу рядом?

Она кивнула и приподняла одеяло. Микель забрался, прижался тёплым тельцем. У него не было тайн. Только чистое, светлое счастье. Она обняла брата без перчаток и не увидела ничего, кроме любви.

— Папа тогда правда испугался? — спросил Микель сонно.

— Да. Но потом перестал. Потому что семья — это выбор.

Мальчик улыбнулся и заснул почти мгновенно.

Мирослава лежала в темноте, глядя в потолок. Завтра снова будут шёпоты. Степан, Агафья, деревенские. Но она вспоминала тот день у кузницы — молот отца, тёплую шерсть Барса, объятие, которое сказало больше любых слов.

Дар без перчаток. Правда без щита. И первый раз, когда её приняли такой, какая есть.

Это воспоминание давало силы. Даже когда весь мир был против.

Глава 4. «Староста кислого вида»

Утро в доме Эйрана начиналось рано, но сегодня оно пришло с тяжёлым, липким ощущением надвигающейся беды. Солнечные лучи едва пробивались сквозь маленькие окошки, покрытые бычьим пузырьём, окрашивая комнату в тёплый, но тревожный золотистый оттенок. Мирослава сидела за столом, уже в перчатках, хотя только что помогала матери разбирать сушёные травы. Белоснежные волосы были аккуратно заплетены в косу, фиолетово-сиреневые глаза смотрели в одну точку на столешнице. Хрупкая двенадцатилетняя фигура казалась ещё более уязвимой в утреннем свете — «не от мира сего», как шептались в деревне.

Тариана хлопотала у печи, помешивая кашу. Запах гречихи и лесных ягод наполнял избу. Эйран уже ушёл в кузницу, Ефимий проверял лук на заднем дворе, а Микель ещё спал, свернувшись калачиком на лавке.

— Не снимай перчатки сегодня, — тихо сказала мать, не оборачиваясь. — Я чувствую, что придёт кто-то... нежеланный.

Мирослава кивнула. Она тоже чувствовала. Дар иногда предупреждал даже без прикосновения — лёгким холодком по позвоночнику.

Вдруг снаружи послышались тяжёлые шаги. Дверь распахнулась без стука. На пороге стоял Степан — староста деревни. Тощий, высокий, с сутулой спиной и лицом, будто вечно кислое молоко проглотил. Одежда на нём была чистой, но от него пахло чем-то кислым — потом, завистью и старыми грехами. Глаза маленькие, бегающие, борода редкая и клочковатая.

— Эйран! Тариана! — громко позвал он, хотя прекрасно видел, кто в избе. Взгляд сразу упал на Миру. — А, и ведьма ваша здесь.

Коясс в голове Миры мгновенно ожил. Голос заскрежетал, как старая кора:

«Вот и он, кислый. Смотри, мелочь. Этот боится тебя сильнее, чем любого Манока в лесу. Кровь на руках до сих пор не отмылась».

Мирослава не подняла глаз сразу. Она медленно надела вторую перчатку плотнее, хотя уже была в них.

Тариана выпрямилась, вытирая руки о фартук. Её рябиновые глаза потемнели.

— Степан, что привело тебя в наш дом с утра пораньше? Без приглашения?

Староста вошёл, не снимая сапог, и сел за стол напротив Миры, не спрашивая разрешения. Его взгляд был колючим, полным страха, который он пытался прикрыть злостью.

— Люди жалуются, Тариана. На твою дочь. Вчера опять Витька прибежал домой в слезах. Говорит, она его прокляла, увидела какие-то небылицы. А до того — другие дети. Взрослые тоже боятся её взгляда. Эти глаза... фиолетовые, как у нечисти. Она пугает людей одним своим видом. Требую, чтобы она не выходила без повязки на лице или хотя бы не пялилась так на честных людей!

Мирослава медленно подняла взгляд. Цепкий, пронизывающий. Фиолетово-сиреневые глаза встретились с глазами Степана.

В этот момент она не удержалась. Дар сработал даже без прямого касания кожи — слишком сильный был эмоциональный всплеск от старосты. Перед ней мелькнули обрывки:

Тёмная дорога. Молодой Степан с топором. Странник с мешком серебра. Удар сзади. Кровь на руках. Паника. Зарытый труп у старого дуба. Годы страха, что кто-то узнает. И теперь — ужас перед белой девочкой, которая может увидеть всё одним прикосновением.

Мирослава резко отвела глаза и потянулась за перчатками, хотя они уже были надеты. Пальцы дрожали. Она быстро поправила их, словно это могло стереть увиденное.

— Я не пугаю, — произнесла она тихо, но с острым, саркастичным оттенком в голосе. — Люди сами приходят и касаются. А потом бегут от того, что видят в себе.

Степан побледнел. Его кислое лицо перекошилось.

— Вот! Вот это я и имею в виду! Острый язык у твоей ведьмы, Тариана! Она не должна пугать деревню. Если ещё раз услышу, что она рассказывает свои «правды» — придётся принять меры. Деревня не потерпит проклятия.

Коясс в голове расхохотался скрежещущим смехом:

«Этот боится тебя больше, чем Манока, мелочь. Скажи ему про странника. Одно слово — и он обмочится. Хочешь?»

Мирослава сжала кулаки под столом. Она хотела. Очень. Но знала цену. Семья ещё не готова к открытой войне.

Тариана шагнула вперёд, загородив дочь.

— Моя дочь не проклятие. Она — дар. И если люди боятся правды, пусть смотрят в зеркало, а не на неё. Уходи, Степан. В нашем доме ты не желанный гость.

В этот момент в избу вошёл Эйран — как раз вернулся из кузницы. Его широкая фигура заполнила дверной проём. Молот он держал в руке, будто случайно.

— Проблемы, староста? — низко прогудел кузнец. Голос был спокойным, но в нём звенела сталь.

Степан поднялся, отступая к двери. Его взгляд метался между Мирой и Эйраном.

— Три дня, Эйран. Успокойте свою ведьму. Иначе сход решит за вас. Люди говорят, что пропажи скота — из-за неё. Скоро дети начнут пропадать.

Он выскользнул за дверь, хлопнув ею так, что с потолка посыпалась труха.

В избе повисла тишина. Мирослава сидела неподвижно, глядя на свои перчатки. Кровь на руках Степана всё ещё стояла перед глазами — старая, засохшая, но не отмытая.

— Он убил человека, — тихо сказала она. — Давно. Странника. Из-за серебра.

Тариана вздохнула и обняла дочь за плечи — поверх одежды.

— Мы знаем, доченька. Но пока не время. Он боится. А испуганный человек опасен.

Эйран поставил молот у стены и сел рядом.

— Я поговорю с ним. Но ты, Мира, будь осторожнее. Не снимай перчатки. И не смотри на него долго.

Коясс в голове проворчал:

«Этот кислый сам себе могилу роет. Когда придёт время — я войду, и мы покажем ему настоящую правду. Не ной, мелочь. Ты сильнее его».

Мирослава кивнула, но внутри всё сжималось. Она устала от тайн взрослых. Устала быть «ведьмой». Но семья была рядом — молот отца, травы матери, лук брата. Это давало силы.

День продолжался, но тень Степана легла на дом тяжёлым покрывалом. Где-то в лесу уже шевелилось что-то древнее, а в деревне зрел страх, который скоро выльется в факелы у ворот.

Глава 5. «Агафьины коренья»

День клонился к вечеру, когда в воздухе повис тяжёлый, приторно-сладкий запах чужих трав. Мирослава стояла у окна, глядя на тропинку, ведущую к их избе. Белоснежные волосы были небрежно собраны в косу, несколько прядей выбились и лежали на бледных щеках. Фиолетово-сиреневые глаза прищурились — цепкий, пронизывающий взгляд, который видел больше, чем хотелось бы. Хрупкая двенадцатилетняя фигура в простом сером платье казалась почти прозрачной в косых лучах заходящего солнца. На руках, как всегда, перчатки — тёмная мягкая кожа, ставшая уже второй кожей.

Коясс в голове заворочался, голос его заскрипел, как старая ель под ветром:

«Чует моё сердце, мелочь, сейчас придёт та ещё змея. Агафья. Запах её кореньев всегда воняет ложью и завистью. Готовься».

Мирослава едва заметно кивнула. Она уже знала. Дар иногда приносил предчувствия, особенно когда кто-то приближался с сильными эмоциями — завистью, страхом, злобой.

Тариана вышла из задней комнаты, вытирая руки о фартук. Её лицо оставалось спокойным, но в глазах рябиновой глубины мелькнула настороженность.

— Микель опять кашляет с ночи, — тихо сказала мать. — Агафья прислала весточку, что несёт новую настойку. Говорит, от «лесной хвори».

— Мама, — Мирослава повернулась, голос был тихим, но острым, как нож. — Ты же знаешь, что она...

— Знаю, доченька. Но открыто отказывать нельзя. Пока нельзя. Степан только утром был. Не стоит давать ему лишний повод.

Дверь скрипнула. На пороге появилась Агафья — лжезнахарка деревни. Полная женщина лет пятидесяти, с круглым лицом, которое когда-то могло быть добродушным, но теперь было испещрено мелкими морщинами зависти. Одежда яркая, с нашитыми лентами и амулетами, в руках — глиняный кувшинчик, тщательно закупоренный. От неё пахло травами, но слишком сладко, слишком искусственно. Под этим запахом пряталась пустота.

— Здравствуй, Тариана! — громко пропела Агафья, входя без приглашения. Взгляд сразу метнулся к Мирославе и задержался на её перчатках. — И ты здесь, белая. Всё в перчатках ходишь? Правильно, правильно. Люди боятся твоего... дара.

Мирослава молчала. Она смотрела на женщину прямо, не мигая. Коясс в голове усмехнулся:

«Завидует, мелочь. Завидует так, что желчь течёт. Её плацебо — пустышка, а ты видишь настоящее. Она это знает».

Агафья поставила кувшинчик на стол и улыбнулась широкой, фальшивой улыбкой.

— Для маленького Микеля. Особый сбор. Коренья, собранные при полной луне, с добавлением святой воды из источника. Выпьет три дня — и кашель как рукой снимет. Я сама проверяла на внучке соседки.

Тариана взяла кувшинчик, вежливо кивнула.

— Спасибо, Агафья. Сколько с нас?

— Да что ты, милая! Для хороших людей — бесплатно. Только... — знахарка понизила голос, бросив взгляд на Миру. — Посоветовала бы я тебе, Тариана, держать дочь подальше от детей. Вчера Витька прибежал в слезах. Говорит, она ему такое рассказала... Люди шепчутся, что это она скотину отпугивает. А теперь ещё и кашель у малыша. Может, порча?

Мирослава сделала шаг вперёд. Запах от кувшинчика ударил в нос — мята, ромашка, но под ними — обычная вода с лёгкой горечью дешёвого корня, который ничего не лечит. Пустышка. Плацебо. Агафья просто собирала плату и славу, используя страх людей.

Девочка молчала, но её фиолетовые глаза говорили красноречивее слов. Она видела. Не прикасаясь — запах, движения рук Агафьи, лёгкое дрожание голоса. Дар дополнял картину: зависть к настоящему таланту Тарианы и её собственной способности чувствовать травы. Страх, что Мирослава однажды публично разоблачит её обман.

Тихое противостояние повисло в воздухе.

— Я могу посмотреть, — наконец произнесла Мира ровным, саркастичным тоном. — Снять перчатки и проверить, что там на самом деле. Может, в твоём «святом» кореньё есть что-то... интересное?

Агафья слегка побледнела, но улыбка осталась.

— Не надо, милая. Твой дар... он пугает. Лучше верить старым проверенным средствам. Я столько лет помогаю деревне.

Коясс расхохотался в голове:

«Проверенным! Ха! Она помогает себе в карман. Скажи ей про тот раз, когда она подмешала слабительное в отвар вдове, чтобы та чаще приходила. Хочешь?»

Мирослава сдержалась. Она чувствовала запах подделки так ясно, будто держала в руках. Корень был не тем, что обещала Агафья. Обычная болотная трава, которая только горчит и ничего не лечит. Но говорить вслух — значит объявить войну. Пока рано.

Тариана мягко вмешалась, положив руку на плечо дочери:

— Мы благодарны, Агафья. Микель выпьет. А теперь, если не возражаешь, у нас дела.

Знахарка задержалась ещё на минуту, бросая на Миру взгляды — смесь страха и злобы. Наконец ушла, прикрыв дверь с деланной вежливостью.

Когда шаги стихли, Мирослава подошла к кувшинчику. Сняла одну перчатку и провела пальцами над горлышком, не касаясь жидкости. Дар подтвердил — пустышка. Никакой силы. Только горечь и ложь.

— Она завидует, мама, — тихо сказала девочка. — Не мне даже. Тебе. Твоему настоящему знанию трав. А меня боится, потому что я вижу её ложь насквозь.

Тариана вздохнула, обняла дочь.

— Знаю. Но мы не можем сейчас с ней ссориться. Степан использует любой повод. Пусть Микель выпьет — вреда не будет, а видимость будет.

В комнату вбежал Микель, сонный, но уже улыбающийся.

— Это от Агафьи? Коясс сказал, что это вода с грязью! Можно я не буду пить?

Мирослава улыбнулась впервые за день — тёплой, настоящей улыбкой — и взъерошила брату волосы без перчатки. У него не было тайн. Только чистое счастье.

— Выпей немного, братишка. Ради мамы. А настоящий отвар я тебе вечером сама сделаю.

Коясс проворчал одобрительно:

«Умница, мелочь. Молчишь, когда надо. Но правда копится. Скоро она вырвется. И тогда Агафья пожалеет, что пришла сюда с пустыми кореньями».

Вечер опустился на избу. Мирослава ушла на задний двор, к своим травам. Руки в перчатках перебирали настоящие сборы — те, что действительно помогали. В голове крутились мысли о надвигающейся тьме: пропажи, Степан, Агафья, древний голод в лесу.

Тихое противостояние закончилось, но война только начиналась.

Глава 6. «Первый след»

Утро в деревне началось не с петушиного крика, а с крика человеческого — высокого, надрывного, полного материнского ужаса. Мирослава проснулась резко, будто кто-то плеснул ледяной водой в лицо. Белоснежные волосы разметались по подушке, фиолетово-сиреневые глаза открылись мгновенно, цепко вглядываясь в полумрак избы. Хрупкое тело напряглось под одеялом. Она уже знала. Дар иногда приносил такие предчувствия — холодок по позвоночнику и тихий, далёкий шёпот в голове, который не принадлежал Кояссу.

— Мира! — голос матери из большой комнаты дрожал. — Вставай скорее.

Девочка надела перчатки ещё до того, как встать с кровати. Тёмная кожа плотно обтянула тонкие пальцы. Она вышла, поправляя простое платье. В избе уже собралась вся семья. Эйран стоял у двери с молотом в руке, лицо кузнеца было мрачнее тучи. Тариана прижимала к себе Микеля, который растерянно моргал сонными глазами. Ефимий уже накиннул плащ и проверял тетиву лука.

— Пропал Ваня, — глухо сказал отец. — Трёхлетний сын Марфы с окраины. Вчера вечером играл у дома, а утром — нет. Следов нет. Будто растворился в воздухе.

Мирослава почувствовала, как внутри всё сжалось. Три года. Маленький, беззащитный. Она видела Ваню пару раз — круглощёкого мальчугана, который не боялся её «странных глаз» и однажды даже протянул ей деревянную лошадку.

Коясс в голове заскрипел, голос его был непривычно серьёзным:

«Это не я, мелочь. И не обычный зверь. След холодный. Очень холодный. Просыпайся. Сегодня будет шумно».

В деревне уже гудело, как растревоженный улей. Люди собирались на центральной площади у дома старосты. Женщины плакали, мужчины хмурились, сжимая топоры и вилы. Марфа, мать Вани, сидела на земле и выла, раскачиваясь. Её голос разносился над крышами.

Мирослава шла рядом с семьёй, чуть позади. Перчатки плотно сидели на руках. Она старалась не смотреть никому в глаза, но это было невозможно. Взгляды деревенских жгли её спину. «Ведьма», «белая», «принесла беду» — шептали за спиной.

На площади уже стоял Степан. Тощий, кислый, с торжествующим блеском в маленьких глазках. Рядом с ним, как всегда, вертелась Агафья — лжезнахарка, с пучком «святых» трав в руках.

— Люди! — громко начал староста, поднимая руки. — Беда пришла в нашу деревню. Пропал ребёнок. Третий раз скотина исчезает, а теперь — дитя! Мы все знаем, откуда это проклятие.

Его взгляд прямо упёрся в Мирославу.

Агафья тут же подхватила, голос её дрожал от притворного волнения:

— Я вчера ещё говорила Тариане — держите свою дочь подальше от детей! У неё глаза нечеловеческие. А вчера вечером я видела, как белая девочка стояла у опушки и шепталась с ветром. Может, она отвар варила? Или звала своего духа? Ванечка же часто бегал к их дому за ягодами...

Толпа загудела. Кто-то перекрестился. Кто-то сжал кулаки. Марфа подняла заплаканное лицо и посмотрела на Миру с такой болью и ненавистью, что девочка невольно отступила на шаг.

— Я ничего не делала, — тихо, но твёрдо сказала Мирослава. Её голос, хоть и детский, звучал с неожиданной силой. — Я не забирала Ваню.

— А кто тогда?! — выкрикнул кто-то из толпы. — Ты же видишь всё! Прикоснись к кому-нибудь и скажи правду!

Агафья сделала шаг вперёд, картинно заламывая руки:

— Вот именно! Если ты такая мудрая и правдивая, почему не поможешь найти мальчика? Или боишься, что все увидят твою вину?

Коясс в голове Миры зарычал, как старое дерево, ломающееся от ветра:

«Эта толстая змея врёт так сладко, что самой тошно. Она подкинет тебе вину, мелочь. Уже готовит. Не снимай перчатки. И не давай им прикоснуться».

Мирослава стояла прямо. Хрупкая, бледная, с развевающимися на ветру белыми волосами. Фиолетово-сиреневые глаза смотрели на Агафью и Степана без страха, но с усталой горечью.

— Я не боюсь, — ответила она. — Но правда не всегда то, что вы хотите услышать. Если я начну искать... вы можете не выдержать того, что я увижу.

Толпа снова загудела. Ефимий шагнул вперёд, загораживая сестру. Его рука лежала на ноже.

— Хватит! Моя сестра не виновата. Она ребёнок. А вы ищете крайнего, вместо того чтобы искать следы в лесу.

Эйран молча встал рядом, молот в руке блестел на солнце. Тариана обняла Миру за плечи.

Степан скривился:

— Три дня. Как я и говорил. Если мальчик не найдётся — придём с факелами. Деревня не потерпит ведьму в своих рядах.

Люди начали расходиться группами — искать в лесу, у реки, в сараях. Мирослава осталась стоять на площади. Ветер трепал её платье. Она чувствовала холод. Необычный холод, который шёл не от осени.

Позже, когда семья вернулась домой, девочка ушла на задний двор. Там, среди своих трав, она наконец сняла одну перчатку и коснулась старого пня, где иногда играл Ваня, когда приходил. Дар вспыхнул.

Холод. Пустота. Маленькие ножки, бегущие к деревьям. Тень — огромная, без лица. Три зуба в темноте. И тишина.

Мирослава отдернула руку, тяжело дыша. На лбу выступил пот.

Коясс заговорил серьёзно:

«Это не я. Это древний. Манок. Он голоден. Люди давно забыли кормить лес. Первый след, мелочь. И он ведёт к часовне. Но ты пока не готова. Пока...»

В доме Микель тихо плакал, спрашивая, где Ваня. Тариана варила успокаивающий отвар. Эйран точил инструменты. Ефимий чистил лук.

Деревня была на ушах. Агафья уже ходила по домам, нашептывая про «белую ведьму». Степан собирал сход.

Мирослава села на пенёк и закрыла глаза. Правда всегда оставляла шрамы. Но теперь пропал ребёнок. И она знала — это только начало.

Вечер опустился тяжёлый, тревожный. Где-то в лесу шевелилось древнее, голодное. А в деревне зрела ненависть, готовая вылиться в огонь.

Глава 7. «Слёпой пёс»

Лес встретил Мирославу тяжёлым, влажным молчанием. После шумного дня в деревне, полного криков, обвинений и слёз, тишина чащи казалась почти живой. Девочка шла узкой тропой, которую мало кто знал — она вела к старой овчарне на краю владений деревни, где вчера пропала ещё одна овца. Белоснежные волосы, заплетённые в тугую косу, выбивались прядями и цеплялись за низкие ветки. Хрупкая двенадцатилетняя фигурка в сером платье и тёмных перчатках двигалась бесшумно, словно сама была частью леса. Фиолетово-сиреневые глаза смотрели вперёд цепко, устало, но без страха.

Коясс в голове молчал дольше обычного. Только иногда раздавался лёгкий скрип, будто старое дерево потягивалось перед бурей.

— Не ходи одна, мелочь, — наконец проворчал он. — Этот холод... он уже здесь.

— Я должна увидеть, — тихо ответила Мирослава вслух. — Если это Манок, как ты говорил, то следы ведут от овчарни.

Она нашла пса случайно. Вернее, он сам выполз ей навстречу.

Из-под поваленного ствола старой ели, покрытого мхом, раздалось слабое, хрипкое поскуливание. Мирослава замерла. Подошла ближе, осторожно раздвигая папоротник перчаткой. На земле лежал крупный овчарский пёс — серо-бурый, с разорванным боком и вырванным куском шерсти на холке. Один глаз был полностью вытекшим, залитым засохшей кровью. Второй смотрел мутно, но в нём ещё теплилась жизнь. Зверь тяжело дышал, бока вздымались неровно. Следы нападения были страшными: глубокие рваные раны, будто кто-то высасывал не только мясо, но и тепло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.